

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 199–204. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 199–204. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 811.161.1'36

EDN FSWLLV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-199-204>

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ ГРАММАТИКИ

Беднарская Лариса Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орёл, Россия, bednarskaya.l.d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6283-7346>

Аннотация. Грамматика включает морфологию и синтаксис, их объединяет слово в качестве словоформы. Центральной единицей морфологии является часть речи, которая в синтаксисе выступает в роли члена предложения. Вопрос о соотношении слова, словосочетания и предложения, члена предложения и части речи глубоко и в традиционной, и в современной лингвистике не обсуждался. В русских академических грамматиках члены предложения рассматриваются как распространители слова в составе словосочетаний, а не структурно-семантические компоненты предложения, выделяющиеся на основании синтаксических отношений. До сих пор не решён вопрос, поставленный ещё во времена Аристотеля: что является первичным – словосочетание или предложение, часть речи или член предложения? Эта двойственность привела к отказу от теории членов предложения. В статье приводятся доказательства того, что первично предложение, части речи осознаются на основе членов предложения. Каждый член предложения является многоаспектной словоформой, включающей синтаксический, морфологический и лексический компоненты, но синтаксическая позиция впитывает, поглощает остальные уровни значений. История возникновения и развития предложения доказывает это положение.

Ключевые слова: грамматика, теория членов предложения, предложение, словосочетание, слово, член предложения, часть речи.

Для цитирования: Беднарская Л.Д. О теоретических вопросах грамматики // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 199–204. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-199-204>

Research Article

ON THEORETICAL GRAMMAR ISSUES

Larisa D. Bednarskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Turgenev Oryol State University, Orel, Russia, bednarskaya.l.d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6283-7346>

Abstract. Grammar includes morphology and syntax, these are united by a word as a word form. The central unit of morphology is a part of speech, which acts as a part of a sentence in syntax. The question of the relationship of a word, a phrase and a sentence, a part of sentence and a part of speech has not been discussed deeply in both traditional and modern linguistics. In Russian academic grammars, sentence parts are considered to be word propagators in the composition of word combination rather than the structural and semantic components of the sentence that stand out on the basis of syntactic relations. The question posed back in the time of Aristotle has not yet been resolved – which is primary, a phrase or a sentence, a part of speech or a part of a sentence? This duality has led to the rejection of the theory of sentence parts. The article provides evidence that sentence is primary, parts of speech are realised on the basis of sentence parts. Each sentence part is a multidimensional word form, including lexical, morphological and syntactic components, however the syntactic position takes up, absorbs the remaining levels of meanings. The history of the origin and development of the proposal proves this position.

Keywords: grammar, theory of sentence parts, sentence, phrase, word, sentence part, part of speech.

For citation: Bednarskaya L.D. On theoretical grammar issues. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 199–204 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-199-204>

Вопрос о соотношении слова, словосочетания и предложения серьёзно и глубоко и в традиционной, и в современной лингвистике не обсуждался. Начиная с античности проблема членов предложения и частей речи остаётся актуальной. Соотношения частей речи и членов предложения познавались с трудом и не сразу. Долгое время по греческой традиции члены предложения назывались «частями слова». По косвенным признакам попытаемся проанализировать, как в истории лингвистики осознавалась проблема *предложение – словосочетание – слово*.

В книге «Категории» начальной точкой отсчёта для Аристотеля являются понятия о членах предложения: подлежащем и сказуемом. В главе второй «Сказывание о предмете и находящееся в предмете» он сразу берёт быка за рога: пытается сказать о том слове, которое существует «без связи», и о том, которое «говорится в связи»: «*Одно в связи, например: «человек бежит», «человек побеждает»; другое без связи, например: «человек», «бык», «бежит», «побеждает»* [Аристотель: 41]. Термина «часть речи» пока нет, а термин «подлежащее» уже есть. Осознана его независимая позиция темы высказывания. Этот вывод можно было сделать только на основании интуитивного осознания синтаксических отношений между подлежащим и сказуемым.

Сравнительный метод в XIX в. обращал внимание в основном на морфологию, на изменение слов, не уделяя достаточного внимания сопоставлению особенностей синтаксиса – строя предложений – в сопоставляемых индоевропейских языках. Ещё в начале XX в. чёткость в разграничении морфологии и синтаксиса отсутствовала: грамматика разделялась на этимологию (фонетику и морфологию) и синтаксис. Этимология занималась изучением слов в отдельности, не в предложении, в синтаксисе исследовались сочетания слов в предложении и сочетания предложений. Предложение рассматривалось в речи как её функциональная единица, а слово считалось единственным значащим элементом языка [Богородицкий: 20, 28, 29].

Однако уже на заре теоретического языкознания высказывались идеи о первичности предложения (высказывания) и вторичности слова. В. Гумбольдт писал: «Нельзя себе представить, чтобы создание языка начиналось с обозначения словами предметов, а затем уже происходило соединение слов. В действительности речь строится не из предшествующих ей слов, а наоборот, слова возникают из речи». <...> «Слово образует границу, вплоть до которой язык в своём созидательном процессе действует самостоятельно. Простое слово подобно совершенному и возникшему из языка цветку. Словом язык завершает своё созидание» [Гумбольдт: 82].

В середине XIX в. Ф.И. Буслаев заложил теоретические основы классического научного синтаксиса. С его работ начинается то направление в изучении русского языка, которое характеризуется не односторонним взглядом на его развитие и типологию, а многоаспектностью, многосторонностью, многогранностью, многоплановостью. Современная универсальная типология, основанная на изоморфизме простого и сложного предложения, началась с осознания единой семантической основы грамматического – синтаксического – значения предложения, с осознания той единой понятийно-смысловой базы, которая помогла объединить в систему простое и сложное предложение, понять, что словосочетание вычленяется из предложения, а не является его первообразным строительным материалом. На единой понятийной основе, оформившейся как синтаксические отношения, выстраивается вся синтаксическая система языка, по-разному оформляясь языковыми средствами.

Ф.И. Буслаев первым осознал, что человеческий разум воспринимает мир при помощи языка, в котором закодированы четыре типа синтаксических отношений, существующих на разных языковых уровнях. Эти отношения определяют минимум нераспространённого предложения, включающего пять членов: два главных – подлежащее и сказуемое – и три второстепенных – определение, дополнение, обстоятельство. Все развитые языки мира включают этот минимум в составе простого предложения. Осознание единой понятийной основы языковой структуры оказалось импульсом к созданию лингвистически системно мотивированных классификаций синтаксических явлений и методик преподавания, изучения этих явлений. Таким образом, Ф.И. Буслаев является и первым русским лингвометодистом [Буслаев].

А.А. Потебня обращал внимание на то «состояние языка, при котором психологическое сказуемое есть ещё бесформенное слово, то есть слово, предшествующее образованию грамматических категорий» [Потебня: 76–94]. С развитием индоевропейских языков возникает предложение, которое невозможно без подлежащего и сказуемого. Со временем грамматические категории изменяются, вместе с ними «изменяется и то целое, в котором они возникают и изменяются, именно предложение»; «для нас предложение немисливо без подлежащего и сказуемого; определяемое с определительным, дополняемое с дополнительным не составляют для нас предложения. Но подлежащее может быть только в именительном падеже, а сказуемое невозможно без глагола (*verbum finitum*); мы можем не выражать этого глагола, но мы чувствуем его присутствие, мы различаем сказательное (предикативное) отношение («бумага бела») от определительного («белая бумага»). Если бы мы не различали частей речи, то тем самым

мы не находили бы разницы между отношениями подлежащего и сказуемого, определяемого и определения, дополняемого и дополнения, то есть предложения для нас бы не существовало» [Потебня: 118–119]. Отсюда А.А. Потебня приходит к выводу о том, что синтаксические явления совпадают с этимологическими и что *части речи являются основой для членов предложения* [Потебня: 76–77]. Конечно, легче осознать конкретные языковые формы частей речи в определённых позициях, чем абстрактные синтаксические отношения в предложении, на основе которых они появились. На самом деле члены предложения являются основой для осознания и выделения частей речи. По сути, от А.А. Потебни пошла традиция отождествления части речи и члена предложения, которая благополучно сохраняется в западных грамматиках и сейчас [Szober: 309; Toguebu R.]. Однако сама мысль А.А. Потебни о двойной природе слова как части речи и как члена предложения явилась революционной: слово в предложении выступает не в качестве лексемы, взятой из словаря, а в качестве словоформы определённой части речи, вступившей в синтаксические отношения с другими словоформами. Двойственность в решении этого вопроса проявляется и в более поздней классической литературе, и в академических грамматиках. У А.А. Шахматова читаем: «В языке бытие получило сначала предложение; позже из расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделялись словосочетания и слова» [Шахматов: 17]. Однако второстепенные члены предложения А.А. Шахматов рассматривает в разделе «Учение о словосочетаниях».

На протяжении XX в. мы видим следы традиционного неразличения слова-лексемы и словоформы в синтаксической структуре. Выходцы из Московской лингвистической школы не смогли преодолеть традиции отождествления предложения со словосочетанием: главное для них – слово, а не структура, поэтому члены предложения сближаются со словом, а не с предложением. В результате пришлось отказаться от теории членов предложения. Определяющее внимание к словоформе привело к тому, что в 30–50-е годы XX в. в школьном обучении изучение членов предложения заменяется синтаксисом частей речи, второстепенные члены предложения выводятся за пределы школьных программ. Однако дальнейшая школьная практика показала, что изучение членов предложения является универсальным и доступным на каждом уроке средством развития мышления детей разных возрастов. Это тренировка абстрактного аппарата учеников: от конкретного значения лексемы к абстрактным категориям морфологии и синтаксиса.

Известен афоризм В.В. Виноградова: «Морфологические формы – это отстоявшиеся синтакси-

ческие формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике» [Виноградов: 38], однако чёткости в определении их приоритетов в работах В.В. Виноградова нет. В первой академической грамматике В.В. Виноградов анализирует словосочетание как первичную структуру, существующую самостоятельно: «Изучение способов соединения слов в словосочетания исходит из тех грамматических свойств разных частей речи, которые установились в ходе их развития, и опирается на функции форм слов, принадлежащих к знаменательным частям речи» [Виноградов: 7–8]. И хотя словосочетание отделяется от предложения [Виноградов: 10], максимальное внимание уделяется номинативной природе словосочетания, а самое главное – синтаксические отношения рассматриваются внутри словосочетания вне предложения. Кстати, сочинительным словосочетаниям отказывается в существовании, так как они выделяются как блок однородных членов только в составе предложения [Виноградов: 42]. Более того, словосочетание рассматривается как самостоятельная единица языка: «Вычленившись из предложений, новые виды и типы словосочетаний приобретают самостоятельное номинативное значение, освобождаясь от глагола-сказуемого (или вообще предиката)» [Виноградов: 44]. А глагольные словосочетания существуют или нет? Дальнейшее описание показывает, что всё-таки существуют и, более того, могут совпадать по структуре с предложением: *Читаю письмо; Хорошо бежал.*

Эта двойственность характерна для многих теоретических положений: «простые предложения, становясь частями сложного предложения, превращаются в словосочетания» [Виноградов: 47]; «Слова и словосочетания по грамматическим правилам и законам, свойственным данному языку, соединяются в предложения» [Виноградов: 64]; «Члены предложения – это синтаксические категории, возникающие в предложении на основе форм словосочетания и отражающие отношения между структурными элементами предложения» [Виноградов: 88] и т. д.

Описание словосочетаний и членов предложения не сопоставимо по объёму. Словосочетанию посвящено содержание примерно 240 страниц [Виноградов: 115–354], главным членам предложения – около 150 страниц [Виноградов: 370–521], второстепенным членам предложения – около 75 страниц [Виноградов: 525–600]. Второстепенным членам предложения уделяется очень незначительное внимание: «Во второстепенных членах предложения как бы синтезируются, обобщаются по функции те же разнообразные грамматические отношения, которые обнаруживаются между словами в строе словосочетаний» [Виноградов: 94]. На деле всё происходит наоборот: второстепенные члены образуются на основе синтаксических

отношений в предложении, а словосочетание вторично: оно вычлняется из предложения с уже сформировавшимися его членами.

В Грамматике-70 тенденция отрыва словосочетания от предложения ещё более усиливается, как и отказ от термина *категория*, «обозначающего любой грамматический объект» [Виноградов: 302], однако в разделе «Синтаксис» этот термин широко используется. Этот раздел начинается с описания подчинительных связей в словосочетании без теоретических положений и выводов [Шведова: 487]. Объём описания словосочетаний составляет шесть страниц [Виноградов: 534–540]. Определение словосочетания ещё более несистемно, оторвано от предложения: «Словосочетание – это синтаксическая единица, образующаяся соединением двух или более знаменательных слов (*слова* и словоформы) на основе подчинительной грамматической связи – согласования, управления и примыкания – и тех отношений, которые порождаются этой связью» [Виноградов: 536]. Синтаксические отношения, существующие объективно, оформляются языковой формой – грамматической связью, а не наоборот! Получается, что слово в предложении не меняет своей лексической природы, выполняя роль компонента в словосочетании, оно просто берётся из словаря без всяких изменений. В один ряд ставятся языковые единицы разной природы: слово с его номинативной функцией, словосочетание и предложение с их релятивной семантикой.

Словосочетание опять объявляется первообразной единицей языка: «Словосочетание имеет своё собственное значение, это значение равно отношению, которое возникает между знаменательными словами [а не понятиями? – Л. Б.], соединившимися на основе того или другого вида подчинительной связи» [Виноградов: 537]. Но синтаксические отношения, на основе которых выявляются словосочетания, могут возникнуть только в предложении, словосочетание образуется, функционирует и видоизменяется только в составе предложения, словоформы как таковые здесь играют роль только оформителей этих отношений. Главные члены предложения описываются только как компоненты структурной схемы предложения, что резко обедняет их языковую природу. Те же самые теоретические постулаты перенесены Н.Ю. Шведовой и в «Русскую грамматику».

В то же время мысль А.А. Потебни об истории грамматики, о том, что в языке может быть выражено то, что понимается народом, и именно в том виде, в каком оно воспринимается на данном этапе его исторического развития, нашла своё понимание и продолжение в 30-х годах XX в. В Советском Союзе стали создаваться письменные языки многочисленных бесписьменных народов, населявших и север, и восток, и запад, и юг нашей страны. Эти языки со-

хранили структуру с древнейших времён, когда предложение ещё не было сформировано. Грандиозная беспримерная работа советских лингвистов, создававших письменные языки многочисленных устных языков народов СССР, обеспечила огромную базу конкретных описаний отдельных грамматик, которая помогает выстроить общую картину развития языков начиная от их палеосостояния до современности. Лидер этой работы Н.Я. Марр назвал развитие этих языков *стадиальным*. Именно сопоставление самых разнообразных бесписьменных языков помогло осознать кардинальную структурную сущность их устройства. Исследование одного языка не давало такого эффекта. Например, Э. Сепир, хорошо знакомый с индейскими языками Северной Америки, определил их речь как «поток произносимых слов» [Сепир: 96], не увидев в этой речи сохранившиеся комплексы инкорпорированных слов-предложений. Результатом огромной коллективной работы стали статьи И.И. Мещанинова, опубликованные в конце 30-х годов, затем превратившиеся в монографии: «Общее языкознание» и «Члены предложения и части речи».

Объём статьи не позволяет показать те сложнейшие переходы в структуре предложения от его зарождения до современного состояния. Остановимся на главных этапах этой эволюции. Сопоставляя структуру многих палеоязыков, советские учёные выявили определённые стадии в их развитии. В целом ряде языков (индейских, североазиатских, существующих на огромных территориях Евразии и Северной Америки) отмечены инкорпорированные слова-предложения, ещё не расчленившиеся на компоненты. Это один словесный комплекс с центром – будущим предикатом, который конкретизируется с двух сторон – дословно: «*оленевидениечеловек*». В этом комплексе пока нет ни субъекта, ни объекта, ни предиката в его собственном смысле, то есть нет ни членов предложения, ни частей речи. Человек определяется актом видения, направленным на оленя. Уточняется этот комплекс так: «*олене-видящий-человек*» [Мещанинов 1940: 74–75]. Постепенно неизменяемые словокомплексы начинают изменяться по родам, лицам и временам, слитный словокомплекс разделяется на отдельные слова, которые существуют параллельно с инкорпорированными образованиями. Через какое-то время образуется эргативное высказывание-предложение, состоящее из трёх компонентов: субъект-подлежащее – предикат – объект-дополнение. Атрибутивные позиции определения и обстоятельства зарождаются тоже внутри словокомплекса («*синематерия*» как одно слово: слияние определяемого с определяющим).

Таким образом, огромная работа лингвистов привела к теоретическим выводам о том, что предложение формировалось как результат развития мышления

людей, которые постепенно осознавали понятийные отношения между элементами объективной действительности и оформляли их языковыми средствами, превращая в синтаксические отношения в предложении. Его компоненты вначале осознавались как члены предложения, а затем уже как части речи.

Действительно, слово объединяет морфологию и синтаксис, это его среда обитания, но оно выступает в грамматике в других ролях, отличных от просто номинативной единицы. Показательно, что в словарях значения каждого слова иллюстрируются предложениями. Слово выступает в предложении и как лексема, и как словоформа – член предложения. Члены предложения, являясь синкретичной структурой, объединяя в себе синтаксические, морфологические и лексические составляющие в их разных соотношениях, опять встали в центре современной грамматической теории.

Теория многоаспектного анализа языковых единиц, разработанная В.В. Бабайцевой, позволила ей описать каждый из пяти членов предложения, различая их логическое, категориальное морфологическое, лексическое значения и коммуникативную «нагрузку». Показательно, что лексическое значение по степени важности стоит после логического и морфологического [Бабайцева: 20]. Таким образом, В.В. Бабайцева осознавала, что в основе высказывания лежит структура суждения, оформляемая в языке синтаксическими отношениями, которые, формируясь языковыми средствами, порождают члены предложения. Каждый член предложения является многоаспектной словоформой, включающей лексический, частеречный и синтаксический компоненты, но **синтаксическая позиция впитывает, поглощает остальные уровни значений**, она является определяющей. Для части речи она представляет первооснову её осознания и дальнейших квалификаций и типологий. В последних работах в определении части речи В.В. Бабайцева ставила на первое место её синтаксическую функцию в предложении. Уровни морфологических и синтаксических категориальных грамматических значений хорошо демонстрируют «формальные» и «смысловые» вопросы к членам предложения. Их отождествление, неразличение явилось одним из камней преткновения традиционной теории второстепенных членов предложения: несоответствие значения и формы второстепенного члена предложения стало одной из главных причин отказа от данной теории.

Определённый компонент логического суждения, превратившийся в синтаксическую позицию в предложении, ограничивает способы выражения членов предложения. Объём номенклатуры форм, заполняющих определённую позицию, зависит и от того, какую роль выполняет этот компонент в коммуни-

кации. Независимая позиция подлежащего, заявляющего тему высказывания, может наполняться любой формой, любой структурой в именительном падеже – от фонемы до текста. Остальные члены предложения, включая сказуемое, ограничены в способах выражения.

Подводя итоги, можно сделать выводы о том, что синтаксическое категориальное значение члена предложения включает как категориальные формы его выражения (морфологизованные), так и периферийные (неморфологизованные). Объём статьи не позволяет представить огромный иллюстративный материал и только намечает перспективы дальнейших исследований.

Список литературы

- Аристотель*. Категории // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1978. 688 с. Т. 2. (Сер.: Философское наследие).
- Бабайцева В.В.* Система членов предложения в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1989. 158 с.
- Бабайцева В.В.* Система членов предложения в современном русском языке. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 496 с.
- Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. Изд-е 5-е. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 374.
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика. Изд-е 6-е. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
- Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
- Грамматика русского языка. М.: АН СССР, 1954. Т. 2, ч. 1. 705 с.
- Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 768 с.
- Гумбольдт Ф.В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 1. С. 84–102.
- Мещанинов И.И.* Общее языкознание. Л.: Учпедгиз, 1940. 259 с.
- Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. 387 с.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888–1889. Т. 1–2. 536 с.
- Русская грамматика. М.: Наука, 1982. Т. 2: Синтаксис. 709 с.
- Сетур Э.* Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
- Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1940. 620 с.
- Szober St.* Gramatyka jenzyka polskiego. Warszawa, 1962, 390 s.

Toguebu R. Structure immanente de la langue française. Paris, 1965, 325 p.

References

Aristotle. *Kategorii* [Categories]. Aristotle. *Sochinenija: v 4 t.* [Essays: in 4 vols.]. Moscow, 1978, vol. 2, 688 p. (In Russ.)

Babaytseva V.V. *Sistema chlenov predlozhenija v sovremennom russkom jazyke: ucheb. posobie* [The system of sentence members in modern Russian: a textbook]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1989, 158 p. (In Russ.)

Babaytseva V.V. *Sistema chlenov predlozhenija v sovremennom russkom jazyke* [The system of sentence members in modern Russian]. Moscow, FLINTA & Nauka Publ., 2011, 496 p. (In Russ.)

Bogoroditsky V.A. *Obshhij kurs russkoj grammatiki* [General course of Russian grammar]. Moscow, Socjkgiz Publ., 1935, 374 p. (In Russ.)

Buslaev F.I. *Istoricheskaja grammatika* [Historical grammar]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, 623 p. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Russkij jazyk. (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language. (Grammatical teaching about the word)]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1972, 614 p. (In Russ.)

Grammatika russkogo jazyka [Grammar of the Russian language]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1954, vol. 2, part 1, 705 p. (In Russ.)

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 768 p. (In Russ.)

Humboldt F.V. *O razlichii stroenija chelovecheskih jazykov i ego vlijanii na duhovnoe razvitie chelovechesko-*

go roda [On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race]. Zvegintsev V.A. *Istorija jazykoznanija XIX–XX vekov v ocherkah i izvlechenijah* [History of Linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts]. Moscow, 1960, part 1, pp. 84–102. (In Russ.)

Meshchaninov I.I. *Obshhee jazykoznanie* [General Linguistics]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1940, 259 p. (In Russ.)

Meshchaninov I.I. *Chleny predlozhenija i chasti rechi* [Members of the sentence and parts of speech]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 387 p. (In Russ.)

Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoj grammatike* [From notes on Russian grammar]. Kharkov, 1888–1889, vol. 1–2, 536 p. (In Russ.)

Russkaja grammatika [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1982, vol. 2: Syntax, 709 p. (In Russ.)

Sepir E. *Jazyk. Vvedenie v izuchenie rechi* [Language. Introduction to the study of speech]. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, Progress Publ., 1993, 656 p. (In Russ.)

Shakhmatov A.A. *Sintaksis russkogo jazyka* [Syntax of the Russian language]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1940, 620 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.01.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 16.01.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.